

КОМУ НА РУСИ ПИТЬ ХОРОШО

КОГДА ДВА ИЗВЕСТНЫХ ФРАНЦУЗСКИХ ПИСАТЕЛЯ, МИШЕЛЬ УЭЛЬБЕК И ФРЕДЕРИК БЕГБЕДЕР, В СУББОТНИЙ ВЕЧЕР ДОЛЖНЫ БЫЛИ ВЫСТУПАТЬ В МОСКОВСКОМ АРТИСТИЧЕСКОМ ЦЕНТРЕ, ДА ЕЩЕ ПЕРЕД МОЛОДЕЖНОЙ АУДИТОРИЕЙ, — ОНИ НЕ НАШЛИ НИЧЕГО ЛУЧШЕГО, КАК, ЗАХВАТИВ С СОБОЙ БУТЫЛКУ ВОДКИ, ОПРИХОДОВАТЬ ЕЕ ПРЯМО НА СЦЕНЕ. ПИЛИ НЕ ТОРОПЯСЬ, НО И НЕ ЗАКУСЫВАЯ, — ЯВНО ХОТЕЛИ ПОНРАВИТЬСЯ. И, НАВЕРНОЕ, ФРАНЦУЗСКИЕ СОЧИНТЕЛИ БЫЛИ ПРАВЫ. «ВОДКА» — ОДНО ИЗ КODOVЫХ СЛОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. И ПРИОБЩИТЬСЯ К ОДНОЙ, НЕ ПРИОБЩИВШИСЬ К ДРУГОЙ, ФАКТИЧЕСКИ НЕВОЗМОЖНО. ЛИЗА НОВИКОВА

СПИРТООПИСАТЕЛИ На пиру отечественной литературы мало кому удавалось отсидеться, прикрываясь рюмкой ладонью. Любовно приветствуя друг друга «Ты меня уважаешь?», собутыльники подразумевали: кого они точно не уважают, так это того, кто боится выпить водочки, словно она укусит. Ведь если ты не веришь в НЛО и в зеленых человечков, вполне можешь обойтись без фантастики, если описания любовных страстей вгоняют тебя в зевоту — не будешь читать дамские романы, но вот водочная тема проникла чуть ли не во все жанры. В толстовской эпопее солдатам регулярно выдают по чарке, в гоголевской поэме разнообразные возлияния завершают царской водкой «в надежде, что все вынесут русские желудки». И даже на крошечном пространстве эпиграммы записной шутник Сергей Соболевский успеваешь попотчевать своего друга: «Пушкин Лев Сергеевич / Истый патриот: / Тянет Ерофеич / В африканский рот». В повести Василия Аксенова «Коллеги» молодой врач Саша Зеленин проваливает лекцию о вреде пьянства. Но когда пытливые слушатели спрашивают, «употребляет ли он сам», честно лектору остается только промямлить: «Если повод, так сказать?»

Главный «повод» обнаружился в русской литературе довольно быстро. Пуск сатирики XVIII — начала XIX века всячески третируют водку, изображая ее оружием не менее опасным, чем, например, порох. Общение с этим напитком имело лишь один финал: «Ест Федька с водкой редьку, / Ест водка с редькой Федьку». Эта традиция, конечно, продолжилась и в дальнейшем. Но появилась и другая точка зрения на набирающий популярность и весомость напиток. Уже поэт-реалист Николай Некрасов признает, что для вдумчивого размышления над заковеристым вопросом «Кому на Руси жить хорошо?» помимо мужских посиделок у костра требуются стаканчики из тут же «надранной» бересты, а также — «по три козушки» на брата. Опять же, «ведро водочки» рассматривается как одна из возможностей обретения русского счастья.

Думается, именно такое, некрасовское, с берестяными стаканами распятие и следовало бы признать «аутентичным», если бы XX век не расставил свои акценты. Роль главного человека с бутылкой досталась герою поэмы Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки». Изменился и антураж: теперь водку нужно было приносить в портфеле, а выпивать и философствовать — в электричке. Впрочем, ерофеевский герой кокнул слишком глубоко и ловким силлогизмом чуть было не рассорил закадычных подружек — водку и литературу. Объясняя причины русского пьянства, он поставил успешность водочного бизнеса в прямую зависимость от неуспеха бизнеса книгоиздательского: «Книжку он себе позволить не может, потому что на базаре ни Гоголя, ни Белинского, а одна только водка, и монополия, и всякая, и в разлив, и на вынос! Оттого он и пьет, от невежества своего пьет!» Тем не менее поэма стала культовым текстом российской интеллигенции. И опубликованная в конце 1980-х в журнале «Трезвость и культура», а до того ходившая в самиздате, скрасила годы сухого закона.

Уже в наше время два молодых литератора, Ольга Лукас и Евгений Лесин, создали оммаж Ерофееву, совершив собственный алко-трип «По кабакам и мирам». При этом они не выбирались за 101-й километр, а ограничились столычными заведениями: «— Для начала — водки! — рьякнули мы, осмелев. — О, пожалуйста. Вам, конечно, спирт „Экстра“ по душе? — „Люк“ давай, сука! — случим мы кулаками по стойке бара».

ТАПЕР БЫЛ ПЬЯН К застолью читатель попадает прямо с порога русской литературы. Пушкин потчует Петра I анисовой с крендельком, Булгаков предлагает Ивану Васильевичу на выбор «анисовую, приказную, кардамонную». А Боборыкин «в минуту» уставляет стол бутылками с пятью сортами водки — так что у писателей второго ряда меню может нисколько не уступать в разнообразии.

Лев Толстой к водке выставляет сельтерскую и лимон. У Лескова выпивают по козушке, закусывают прямо хрустальной рюмкой, а на ночь пьют «прощеную». В прозе Антона Чехова, пожалуй, самой «проспиртованной» во всей русской словесности, раздается вопль «Рррюмку водки!» и звенит вечный вопрос «Кто напоил тапера?». Этот же автор зафиксировал меню классического «обеда журналистов»: «1) Рюмка водки. 2) Суточные щи с вчерашней кашей. 3) 2 рюмки водки. 4) Поросенок с хреном. 5) 3 рюмки водки. 6) Хрен, кайенский перец и соя. 7) 4 рюмки водки. 8) 8 бутылок пива».

У Бунина запивают усталость после удачной охоты: герои рассеянно бродят по дому, «и где-то лежит матерый волк и окрашивает своей бледной и уже холодной кровью пол». Владимир Сорокин в пьесе «Hochzeitseise» учит немцев, как правильно пить русскую водку: «Выпивайте сразу не менее ста миллилитров, сразу закусывайте соленым огурцом и начинайте есть». Наконец, постмодернист Виктор Пелевин угощает своих Чапаева и Петра «балтийским чаем», то есть водкой с кокаином.

Когда стол уже сервирован, остается только две возможности: «пить за» и «пить против». О первом, гедонистическом, варианте в русской литературе сказано достаточно. Тут и просто гастрономическое удовольствие от хорошего стола, и спасение от холодной зимы. И даже своеобразный, запатентованный в России пролог к работе: «И выкатит сорокаведерную бочку водки... и тут примутся ребята гулять — недели две пьют без просыпу, а как отгуляются, тут только держись! По пояс в болоте стоят, в грязи копаются, а работают».

ПРОТЕСТНЫЕ ВОЗЛИЯНИЯ Но не меньше был воспет другой вариант, который можно назвать «водочным диссидентством». Протестные возлияния преподносились как закономерное продолжение традиционных творческих попок, которыми отечественная боге-

ма была славна и раньше. Валентин Катаев уместил описание такой бесконечной пирушки под предводительством Сергея Есенина всего в одну фразу: «Мы разбудили весь дом, но королевича приняли по-царски, сбегали куда-то за водкой, и мы до рассвета пировали в маленькой тесной комнатке какого-то многосемейного мастерового, читали стихи, плакали, кричали, хохотали, разбудили маленьких детей, спавших под одним громадным лоскутным одеялом, пестрым, как арлекин, ну и так далее». В застойные годы это «и так далее» пришло политикой. Поэт Лев Лосев на удивление трезво сформулировал, чем он обязан «чудесному» напитку: «Водка была катализатором духовного раскрепощения, открывала дверцы в интересные подвалы подсознания, а заодно приучала не бояться». Художники-нонконформисты всех мастей выпивали «против властей». Творчество под водочку и было отечественной психоделикой. Юрию Мамлееву вообще удалось полностью переписать типичный пейзаж застойных лет: вместо обычных не совсем трезвых граждан, посетителей грязных пивнушек, он увидел «потусторонних людей», которые постигают смысл жизни именно благодаря тому, что «пьют водку, как воду из-под крана».

Кроме голосования за или против, всегда найдется еще возможность воздержаться. Но на этот ответ в русской литературе «наливают», причем неплохо. Героев романа Михаила Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия» тактично просят «погодить», то есть принорваться, что ли, уметь вовремя помолчать, «позабывать кой об чем, думать не об том, об чем обыкновенно думается, заниматься не тем, чем обыкновенно занимаетесь». Такое уж время настало в этой имперской «идиллии». Пытаясь следовать указаниям сверху, герои ходят во всевозможные рестораны, упражняются в бильярде и наслаждаются цыганским пением. И, конечно, балуются любимой водочкой. ■

АЛЕКСАНДР КАБАКОВ,
ПИСАТЕЛЬ

ЧТО ТЕЧЕТ ПО СТРАНИЦАМ

Как учили нас по прописям, любовь и голод правят миром. Подтверждение этой насковозь литературной тенденции можно найти в любой книге: миром не миром, а литературой крутят, как хотят, именно эти два мощных мотива. По крайней мере, если голод трактовать расширительно, как вообще жажду материального, а любовь еще более расширительно, как жажду вообще нематериального.

Однако ж, если быть внимательным к текстам и честным, следует признать, что картинка складывается с пробелами, пазл неполон: есть третий властитель над литературными персонажами — алкоголь.

И не об одной только классике жанра следует говорить, не о Ерофееве (том самом) с его одеколоновой сказкой и не о ремарко-хемингуэвском элегантном пьянстве (сколько ж по нашим ценам пропивали их герои-бедняки!), а обо всей без исключений литературе. Разве что кроме детской, да и то если не брать в расчет народные сказки, во многих из которых квасят будь здоров.

Возьмите вы, как говорится, любые пять страниц из любого романа — и что же вы прочтаете? Вот Дорохов дует из горла, сидя на подоконнике (подумаешь! в общежитиях не такое учиняли); вот кто-то там вошел, и пробка в потолок (то есть, с шампузы начинали ребята); вот негибимый русско-советский солдат поражает гитлеровских оккупан-

тов, приняв пару стаканов без закуски (а вроде в мирное время у нас всегда на закуску хватало); вот Степу Лиходеева черт грамотно похмеляет (впрочем, рецепт спорный и уж точно не единственный); вот взяли родственники на поминки старухи ящик казенной, а старуха все тянет, они ящик и усидели (ах, писал бы автор и сейчас так!).

Или, может, это только в великой русской литературе? Ну, конечно. А то в великой французской всякие расчетливые куртизанки и завоевывающая Париж лимита мимотров бордо проносят; в великой английской героини эдем брезгают и про Джона Ячменное Зерно не написано; в великой немецкой до белой горячки с видением нечистой силы не дописывается мыслитель?

Что касается текущего литературного процесса, то в нем, конечно, почтенный этиловый спирт потеснен прочей химией, это надо признать. Кто ширяется, кто нохает, кто на колесах сидит... Но большинство при

этом совмещает новаторство с традицией, от глотка-другого не отказывается. Однако ж тут есть некоторое наблюдение, а именно: художественная сила изящной словесности убывает вместе с долей, отведенной в ней крепкому питью. Разве сравнишь нынешний какой-нибудь романец, в котором герои сидят по-сухому и нудят, или просто вторсырьем уже переваренным закусывают, или расширяют сознание, помимо ликероводочных изделий, чисто внутривенно или дорожками, с великими произведениями алкогольной эпохи? Падение литературы оказалось прямо связано с ее отрезвлением, любая эйфория, кроме честной, алкогольной, обнаруживает свою несостоятельность в литературной ткани сочинения.

И, заметьте, речь не идет об авторе. Автор может (гипотетически) быть вообще непьющим и проникать в суть предмета исключительно силой творческого воображения. Точно так же как о любви можно — доказано — прекрасно писать без виагры.

Не в сочинителе дело, а в персонажах, это они усыхают, простите за каламбур, без выпивки. Исчезает из текстов огромное поле образительности: жанровая живопись застолья у заднего крыльца гастронома, скучные мужественные портреты у барной стойки, строгая и сумрачная графика утренних мучений.

Тут, простите за личное и пиар, к слову, вышел у меня пятитомник, без чего-то полное прижизненное собрание, две с большим лишним тысячи страниц. Ну, просмотрел я на этот предмет все пять толстых книг, и что же? Ни единого сочинения нет без этого самого! Честное слово. И никакой это не художественный метод, а простое реалистическое изображение жизни в формах самой жизни, как положено. И особенности авторской биографии ни при чем — можете в любом книжном любите другие, с другими выходными данными, пять книг взять, найдете то же самое.

Это не водка, господа. Это литература.